

100 лет со дня рождения Н. В. Тимофеева-Ресовского

Н. А. БАЛАНДИНА

МИАССОВО, ЛЕТО 1956 г.

Встречи высекают искры воспоминаний
из гранитных глыб прошлого.

Биостанция Миассово (официально — Полевая лаборатория биофизики Уральского филиала АН СССР) была организована Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским в 1956 году в Ильменском минералогическом заповеднике на Среднем Урале, между Челябинском и Свердловском, возле озера Большое Миассово. До своего переезда в Обнинск в 1964 году Николай Владимирович неизменно проводил здесь летние месяцы, занимаясь исследованиями по радиационной биологии. Серьезные разговоры и научные дискуссии, происходившие на биостанции, уже нашли свое отражение в ряде публикаций*. Мне же хотелось бы только показать повседневный стиль жизни в Миассове.

Как я попала в Миассово? Это произошло случайно — и не случайно. В мае 1953 года, после смерти Сталина, был реабилитирован мой отец, академик Алексей Александрович Баландин — химик-органик, автор мультиплетной теории катализа. Несмотря на гипертонию, отец и слушать не желал о том, чтобы возвращаться из Норильска поездом. Он прилетел в Москву с давлением 230...

Перед отцом извинились, вернули ему все ордена, конфискованные рукописи его работ, некоторые должности — лабораторию в Институте органической химии АН СССР, кафедру катализа на химфаке МГУ. Нам также вернули дачу в Луцине, дали другую квартиру (в прежней, в его комнате была поселена семья сотрудника КГБ — кстати сказать, деревенская, доброжелательная). Жизнь нашей семьи начала понемногу налаживаться. Я смогла учиться в МГУ на мехмате (прежде это было недоступно для меня как дочери осужденного).

Мой отец был арестован (во второй раз) в 1949 году. После его ареста нас особенно поддерживали семья академика Зелинского (отец был его любимым учеником) и Ляпуновы, с которыми мы были знакомы еще до Великой Отечественной войны. Алексей Андреевич Ляпунов помогал моей матери Валентине Алексеевне составлять и передавать письма, которые писали по совету адвокатов (в конечном итоге — как следует из «дела» — ранней реабилитации отца удалось добиться потому, что он не подписал ни одно из предъявленных ему обвинений).

В 1956 году Ляля (Елена) и Туся (Наталья) — дочери Ляпуновых — после второго курса биофака МГУ проходили практику на Звенигородской биостанции. Наш дачный поселок Луцино расположен по соседству с биостанцией, и они жили у нас на даче. Внезапно у Ляли случился приступ аппендицита, и ее срочно увезли на

* См., например: *Ляпунова Н. А. Миассовские семинары Н. В. Тимофеева-Ресовского* // Н. В. Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 302–309; Н. В. Тимофеев-Ресовский на Урале. Воспоминания. Екатеринбург, 1998.

операцию в звенигородскую больницу. Вскоре прилетел из своей первой самостоятельной экспедиции на озеро Зайсан ее муж Коля Воронцов, который объяснил, что после получения письма, где несколько раз повторялось, что у нее «все хорошо», понял, что надо срочно возвращаться... Он привез с собой ежа Тишку — который уже в самолете оказался ежихой, разродившись четырьмя детенышами. Нравы на «Аэрофлоте» тогда были патриархальные — самолет не улетал, пока не соберут всех пассажиров по списку. А Коля выпустил свое ежиное семейство погулять на газон. И самолет не поднялся в воздух, пока все ежата не были найдены. Иголки у них были еще совсем мягкие, как молодые еловые «лапки», но они уже ошестинивали их, как взрослые...

В июле вся семья Ляпуновых (кроме Ляли, которая, выздоровев, уехала с Колей на Зайсан) по приглашению Николая Владимировича и Елены Александровны Тимофеевых-Ресовских отправилась на Миассовскую биостанцию. Алексей Андреевич ехал для обсуждения принципов эволюции и математической генетики. Туся ехала делать курсовую работу. Анастасия Савельевна, жена Алексея Андреевича, ехала, чтобы обеспечивать и украшать быт. Она была нашим утешителем, доктором и мудрым советчиком. Старшая дочь Ляпуновых Алла (только что окончившая биофак) и ее муж Юрий Виноградов (инженер-электронщик) ехали просто отдохнуть — позагорать, понырять, половить рыбку, пособирать ягоды и грибы в живописном и щедром крае. Ляпуновы взяли с собой и меня, хотя и без ведома Тимофеевых, с которыми я не была знакома...

Алексей Андреевич был оснащен геологическим молотком (он был знаток и страстный коллекционер минералов), а также телескопом для наблюдения небесных светил вдали от городских огней. Кроме того, он вез Николаю Владимировичу оттиски своих последних работ.

Алла и Юра захватили фотоаппарат, маски для ныряния и рыболовные снасти.

Туся везла другой фотоаппарат и конспект практикума по биологии.

Мое «снаряжение» составляли: байдарка в сложенном виде, томик Блока, принадлежности для шитья (в тот год мы, студентки, увлекались шитьем ситцевых платьев) и дорожные шахматы.

Переехав через Волгу, миновав границу между Европой и Азией, мы высадились из поезда в уральском городе Миассе, где нас уже поджидал экспедиционный «козлик». От биостанции нас отделяло еще около 30 километров довольно ухабистой местности. По пути мы не раз подпрыгивали, стучаясь головой о потолок машины. Как водится, старались петь песни*.

Дорога поднималась в гору и, преодолев перевал, устремлялась вниз, к озеру и шла вокруг него. По пути нам не встретилось ни одного человеческого жилья.

Когда нас вместе со всем скарбом выгрузили из машины, Анастасия Савельевна спохватилась, что меня-то никто не приглашал, и я была спрятана за спины остальных. Но вот наконец радушные хозяева обняли и расцеловали всех гостей «первого ряда», и дошла очередь до меня.

* Вот как описывал дорогу от Миасса до биостанции сам Тимофеев-Ресовский: «Эти тридцать верст — смесь болота с колдобинами и каменными глыбами. И за пять-шесть часов на машине перетряхивало так, что к концу дороги люди вываливались из машины. <...> Когда человек в конце пути вываливался из этого «Газ-63» или его вытаскивали за ноги, как кладь, то он некоторое время никак не мог разобраться, где у него внутри печенки и где селезенки, сердце и прочие внутренности. Все это перепутывалось за дорогу» (Тимофеев-Ресовский Н. В. Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами. М., 2000. С. 329–330).

Н. В. Тимофеев-Ресовский в своем кабинете на биостанции. 1956 г. Фото Н. А. Ляпуновой

— А это Нина, дочка Алексея Александровича Баландина, — сказал Алексей Андреевич смущенно.

— О, это же наш, лагерник! — обрадовался Николай Владимирович и с тех пор оказывал мне повышенные знаки внимания: сажал за столом по правую руку от себя, пел песни, повторяя: «Я — Ниночкин придворный певец».

Николай Владимирович — старше средних лет, выше среднего роста, плотного сложения, очень подвижный, с протяжным низким голосом — то с интонациями довольного мурлыкающего льва, то грозным, разящим, «аки лев рыкающий». Да, не с Зубром стоит его сравнивать, но именно со Львом. Царственный дух. Любимец богов. Казалось, что он владеет какой-то тайной, которая ставит его над окружающими.

Его жена Елена Александровна — тоже старше средних лет, высокая сухощавая седеющая блондинка с огромными голубыми глазами и очень подвижным лицом в морщинках, добрая, внимательная, часто усмехающаяся прокуренным голосом. (Она курила крепкие папиросы «Север», и Николай Владимирович — несмотря на то, что он вроде бы предпочитал «Беломор» — частенько просил ее: «Лёлька, а дай мне паршивеньких». Тогда ему еще разрешали курить...)

Быстрым шагом, почти бегом (так в кинофильмах изображают полководца Суворова или царя Петра Алексеевича) Николай Владимирович повел всех прибывших осматривать местные достопримечательности.

Биостанция была устроена на пологом берегу живописнейшего озера. Ближайшим к воде был лабораторный корпус, занимавший двухэтажный бревенчатый дом, который был выстроен еще в прежнюю эпоху и успел послужить летней дачей какому-то купцу, а после революции превратился в дом отдыха для трудя-

Н. В. Тимофеев-Ресовский у стен лабораторного корпуса наблюдает за игрой в пинг-понг. 1956 г. Фото Н. А. Ляпуновой

«Удобства» были в будочках на улице. Для спортивных игр имелись пинг-понговый стол и волейбольная площадка. (Сам Николай Владимирович не играл ни в пинг-понг, ни в волейбол, однако был страстным болельщиком и с удовольствием судействовал.)

Тимофеевская половина домика состояла из двух комнат с белеными стенами и потолком и с дощатым полом. Также у них имелась застекленная веранда, а в проходе между комнатами помещались плита и электроплитка — это была кухня. В большой комнате, площадью около 20 кв. метров, жили сами хозяева. Здесь протекала вся «светская» жизнь — приемы гостей и застолья. Маленькую комнату (примерно 8 кв. метров) отдали Алексею Андреевичу и Анастасии Савельевне Ля-

щихся. Перед лабораторией была площадка, на которой днем проходили многочисленные заседания, а по вечерам устраивались костры, с рассказами, дискуссиями, песнями.

Через дорогу от лаборатории стояли один за другим пять новеньких одноэтажных деревянных домиков, обшитых «вагонкой». В них жили сотрудники станции (по две семьи в каждом), а в последнем домике было подобие магазина, куда из Миасса привозили нехитрые продукты: черный хлеб, консервы, водку. Пространство между домиками заросло буйными высокими сорняками, а позади них начинались опытные площадки, где ставились эксперименты по изучению распределения радиоизотопов в биогеоценозах.

Электричество было подведено ко всем домикам, и на всем протяжении биостанции (около 800 метров) стояли уличные фонари.

пуновым. Алла с Юрой разместились на сене на чердаке; нас с Тусей поселили на застекленной веранде.

Тусина курсовая была посвящена изучению накопления зоопланктоном различных химических элементов. Интересовавшие ее рачки всплывали на поверхность лишь по ночам, и для сбора проб мы, боясь разбудить остальных обитателей тимофеевской половины шумом дверных запоров, потихоньку вылезали в окно террасы, брали сачки, банки и байдарочные весла и наощупь спускались к воде. Моей волонтерской обязанностью было — выводить байдарку на середину озера. На глубоководных участках, где мы брали образцы планктона, надо было работать веслами очень тихо, чтобы не взбаламутить воду. Туся наполняла свои банки, темная вода тихо журчала, а вдали светилась цепочка уличных огней биостанции. На следующий день Туся по разработанной ею методике готовила очередную серию проб для обмеров. Поскольку я училась на мехмате, мне разрешалось взвешивать высушенные пробы планктона и определять дозы радиоактивных изотопов по формуле. Эта рутинная работа была скучно-простой, и однажды я решила ее усовершенствовать... Потом Туся принесла мои расчеты Николаю Владимировичу, а я стояла поодаль, дожидаясь его вердикта. Он долго молчал, вникая в полученные мною результаты; наконец я услышала, как он доверительным тоном сообщил ей: «Ну, Ниночка — настоящий математик». Польщенная, я прислушалась к их разговору. «Настоящий математик, — повторил Николай Владимирович, — ошиблась на два порядка!» (Мне же казалось, что главное — это собственно цифры, а порядок они берут из теоретических вычислений...)

В лабораторном корпусе, помимо комнат, где ставились эксперименты и готовились препараты, на втором этаже располагались просторная аудитория с классной доской, а также не очень большой кабинет Николая Владимировича, где были развешаны фотографии — Нильса Бора, Николая Константиновича Кольцова, Николая Ивановича Вавилова, Томаса Ханта Моргана и других его учителей и сподвижников в науке. «Мой иконостас», — называл их Тимофеев-Ресовский. Его нередко можно было застать здесь в обществе Мышки — черной лохматой собачки, которую Тимофеевы подобрали больной на улице Свердловска и выходили.

Из кабинета можно было выйти на маленький балкон,

Н. В. Тимофеев-Ресовский с Мышкой под «иконостасом». 1956 г. Фото Н. А. Ляпуновой

нависший над крутым берегом, густо заросшим черемухой и сиренью. Отсюда открывался замечательный вид на озеро. «Италия!» — говорил Николай Владимирович. Озеро было чудесное — поросшее лесом, с гранитными отрогами, окунающимися в водную гладь, с берегами, заросшими высокими, как кусты, травами и цветами — которые то подступали вплотную к воде, то расступались перед ней, даря отлогие песчаные пляжи. В солнечный день, идя по мелководью вдоль берега, можно было увидеть в желтом песке волшебю сверкающие красные гранаты и зеленые хризолиты.

Как и везде, где он обосновывался, в Миассове Николай Владимирович завел такой порядок: два раза в неделю, а то и чаще, устраивалась «пря» — семинары, доклады, обсуждения научных проблем. Каждый новый приезжий должен был сделать какой-нибудь доклад. После этого начинали «преть».

В 1956 году сам Тимофеев-Ресовский читал на биостанции курс генетики, а Ляпунов — введение в кибернетику и программирование. Когда число присутствующих в аудитории, где проходили лекции и семинары, оказывалось небольшим, то между доской и первым рядом слушателей оставлялось большое пространство (метра 3 шириной), чтобы докладчик мог свободно расхаживать взад и вперед. Перед началом заседания на этом «пятачке» всегда удобно устраивалась тимофеевская Мышка. Если выступление было долгим, она засыпала. Если обсуждение переходило на повышенные тона, она тоже подтягивала.

Когда Николай Владимирович и Алексей Андреевич начинали дискутировать, они очень быстро переходили на повышенные тона. Полемизируя, они оба двигались по диагоналям свободного пространства: Тимофеев-Ресовский нервно бегал, как лев в клетке, а Ляпунов расхаживал изящной и размеренной походкой.

Речь Николая Владимировича «на людях» часто бывала шутливой, слегка снисходительно-ироничной. В таком тоне он высказывал и самые серьезные свои убеждения — и научные, и философские. Очень своеобразной и заразной была его манера изъясняться, изобиловавшая непривычными нам оборотами, — наверное, они были в ходу тогда, когда он уехал из России. «Как мы тут в основном серые, нам это слишком умственно»; «вы нам разобъясните, кому и зачем сие важно в-пятых»; «лестно такое блюдо поесть» — эти и другие тимофеевские обороты зачаровывали и молодежь, и «стариков»...

В последующие годы, когда в Миассово стало съезжаться много народа (до сотни человек одновременно), места в аудитории уже не хватало, и заседания обычно проводились перед лабораторным корпусом, на месте пинг-понгового стола, а если день был жарким — то прямо в воде. Слушатели заходили в озеро кто по пояс, кто по горло, а докладчик стоял у доски, прикрепленной к днищу перевернутой лодки. В этом случае дискуссии, как правило, были более спокойными — в воде было труднее передвигаться, а чрезмерно расхажившегося дискусанта председатель мог назидательно обрызгать.

Надо заметить, что миассовцы не обманывались насчет внешнего сходства между семинарами в «водной фазе», как их принято было называть, и купанием как таковым. Распорядок рабочего дня на биостанции соблюдался с немецкой аккуратностью и военной точностью. Опоздания (даже незначительные), отлучки и преждевременные уходы с работы сурово осуждались. В самом начале сезона общее собрание станции под началом Николая Владимировича приняло грозную резолюцию: «Купание и игра в пинг-понг должны проводиться только в обеденный перерыв и нерабочее время». «Государство вас кормит, извольте отбавлять свой хлеб!» — бушевал Тимофеев-Ресовский, отчитывая нарушителей.

Не поощрял он и романтических умонастроений в рабочие часы. В один из ясных жарких дней, когда заседание проходило на берегу озера, восторженный Ляпунов повел участников по песчаным отмелям с красными и зелеными блестками, сверкавшими на солнце. Все шумно восхищались неопишуемой красотой и собирали камешки. Лишь Николай Владимирович ходил молча; потом он внезапно нагнулся и достал со дна замшелую алюминиевую ложку со сломанным черенком (вероятно, попавшую в озеро еще в те времена, когда на месте станции был дом отдыха). «Профессор камешки собирает, а я вот ложку нашел!» — возвестил он с торжеством — как бы намекая, что от его находки все же может быть какая-то польза...

В дни докладов и когда приезжали гости (т. е. почти ежедневно) по вечерам устраивались застолья. «Дежурным блюдом» была уха из щуки. (Миассовские рыболовы вели соревнование по вылавливанию самой крупной рыбы. Рекордсменом в то лето был Юра Виноградов. Чтобы не взвешивать каждый экземпляр, они с Ляпуновым построили кубическую параболу для определения массы рыбы по ее длине.) Дополнением к ухе служили картошка, помидоры и огурцы, которые выращивали на биостанции, а в качестве десерта подавали дикую вишню (в расположенных неподалеку Вишневых горах ее было столько, что ягоды вывозили на телегах) и варенье из дикой клубники (ее собирали в степи целыми ведрами). «Силос, — называл эти лакомства Николай Владимирович. — Это — пища для ботаников, — говорил он, — а я — зоолог, мне бы еды».

Застолья были едва ли не самой интересной и значительной частью миассовской жизни. Обсуждалось все: литература, музыка, архитектура, театр, кино, философия и, конечно, разные науки. Мнение Николая Владимировича всегда было очень определенным и часто парадоксальным: «Рафаэль — гений посредственности»; «Москва по архитектуре — средний европейский город»... Ему возражали, затевалась «пря» — и у Мышки было много оснований подтягивать и даже звонко лаять. Нередко Николай Владимирович с большим чувством, очень серьезно пел песни — народные, церковные, романсы.

Сотрудники станции были по большей части люди молодые, с маленькими детьми. Молоком всех обеспечивало небольшое стадо коров, среди которых был и молодой бычок Борька. Он был довольно задиристый, и его боялись все миассовцы — за исключением пастуха и Николая Владимировича, который, проходя мимо стада, непременно останавливался перекинуться с Борькой парой слов.

Стирка в Миассове обычно происходила на озере, а выстиранные вещи вывешивали на просушку на вольном воздухе. И вот однажды по биостанции разнесся крик: «Борька белье жует!» Мы все бросились искать Николая Владимировича и пастуха — остальные боялись подойти к норовистому бычку. В конце концов Борька, очень недовольный и бодучий, был отогнан, а его добыча отбита. Оказалось, что из всей стирки его привлекла только тимофеевская рубашка. (Теперь, когда мы слышались об ауре, кажется понятным, почему он сжевал одежду именно Николая Владимировича. Знаете, как у людоедов — съедают друга, чтобы приобрести его достоинства.) Елена Александровна очень расстроилась — с одеждой тогда было туговато, и утрата рубашки пробивала заметную брешь в гардеробе Николая Владимировича. А он — возьми да и надень то, что осталось. «Колюша, это просто невозможно!» — ужаснулась Елена Александровна. А Николай Владимирович возразил: «Ну, пуговики-то остались. И воротничок». И бегал по станции, показывая всем свое «новое платье короля».

*Н. В. Тимофеев-Ресовский в рубашке, обработанной Борькой. 1956 г.
Фото Ю. А. Виноградова*

Летом 1956 года тимофеевская биостанция только начинала свою работу, и гостей было не так уж много. Но уже в этот первый сезон на «миассовские трепы» к радужным и хлебосольным хозяевам приезжали такие яркие люди, как Раиса Львовна Берг, Владимир Павлович Эфроимсон и Юлий Яковлевич Керкис. Миассово быстро становилось своеобразной «Меккой интеллигенции».

Сохранившаяся у меня фотография представляет лишь малый срез тимофеевского круга того времени. Слева от Николая Владимировича — его сотрудник Дмитрий Иванович Семенов. Их связывало лагерное знакомство. До конца второй мировой войны Семенов жил в Болгарии, где учился медицине. После прихода советских войск болгарская спортивная организация, в которой он состоял, была объявлена фашистской; Семенов был арестован и осенью 1945 года оказался в Бутырках, где встретился с Тимофеевым-Ресовским. Вскоре Николая Владимировича отправили в лагерь, и они расстались. А в 1947 году, когда Семенов был главврачом на пересыльном пункте в Казахстане, в очередной партии заключенных он снова увидел Тимофеева-Ресовского, умиравшего от пеллагры (Николай Владимирович помнил только свой зековский номер и имя жены). Дмитрию Ивановичу удалось устроить его в медсанчасть и подлечить. В том же году Тимофеев-Ресовский, назначенный заведующим биофизической лабораторией на закрытом атомном объекте под Челябинском, добился перевода Семенова из лагеря в свою лабораторию. Слева от Семенова на фотографии — киносценарист Евгений Эмильевич Мандельштам (брат поэта) и психолог и лингвист Николай Иванович Жинкин. В то лето они приезжали обсудить с Тимофеевым-Ресовским написанный ими сценарий научно-популярного фильма «Молекулы жизни», посвященного генетике. Остальные трое — сотрудница тимофеевской лаборатории Надежда Порядкова, Алексей Андреевич Ляпунов и автор этих строк.

Миассово. Лето 1956 г. Фото Н. А. Лянуновой

Фотография напоминает мне об одном из эпизодов того лета. Как я уже упоминала, в те годы купить одежду было нелегко, и многие девушки (в том числе мы с Тусей) предпочитали шить себе сами. Как-то Елена Александровна сказала, что надо бы справиться Николаю Владимировичу новые шаровары. Поручено это дело было мне. Несмотря на свой опыт, я волновалась, советовалась со всеми миассовскими дамами. Наконец настал день, когда готовое изделие было вручено Николаю Владимировичу. Он остался очень доволен и любил демонстрировать новые шаровары окружающим, приговаривая: «Это Ниночка сшила мне штанцы — с помощью интеграла». Как получилось — судите сами.